

Елена Купчик

Метафоры надежды в русской поэзии

Внутренний мир человека традиционно характеризуется в языке через признаки мира внешнего. Невидимое, неслышимое, неосознаваемое при отражении его в метафорическом зеркале предстает чувственно воспринимаемым. О значимости того или иного концепта внутреннего мира, укорененности его в культуре дает представление система метафорических моделей (далее ММ), выявляемых в совокупности текстов, которыми оперирует данная культура.

К ключевым концептам культуры принято относить те, которые встречаются «в частотных общеупотребительных формах языка – словах, словосочетаниях, фразеологизмах, пословицах и поговорках, загадках»¹. Этим требованиям вполне соответствует объект нашего внимания. Толкуемая как «ожидание, уверенность в осуществлении чего-нибудь радостного, благоприятного»², *надежда* издавна входит в состав устойчивых словосочетаний (*подавать надежды, питать надежды, возлагать надежды* и др.), отражается в пословицах и поговорках.

Материалы «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даля³ позволяют определить традиционно значимые для русского народа слагаемые семантики *надежды*.

Во-первых, *надежда* предстает как нечто необходимое для жизни – на всем ее протяжении: *Колотися, бейся, а все надейся; Век живи, век надейся; Надеючись и живут, и мрут*. Во-вторых, *надежда* оказывается состоянием универсальным, присущим не только человеку: *Надеючись и кобыла в дровни лягает; Надеючись казак на конь садится, надеючись конь копытом бьет*. В-третьих, *надежда* на кого-либо, как правило, сама является «не вполне надежной», поэтому человек должен искать опору не только во внешней среде, но и в самом себе: *На чужое надейся, а свое паси; На Бога надейся, а сам не плошай*. Надежда может вечно остаться с человеком (*Счастье скоро покидает,*

¹ М.В. Пименова, *Душа и дух: особенности концептуализации*, Кемерово 2004.

² С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Москва 2010.

³ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах*, т. 2, Москва 2006.

а добрая надежда – никогда), но может и утратиться – *лопнуть, пропасть, потеряться*. Имеет значение и объект надежды – высшие силы или нечто земное, случайное: *Полагай надежду на Бога; На ветер надеяться, без помолу быти*. Человеку следует надеяться на лучшее, но при этом готовить себя к иным обстоятельствам: *Надейся добра, а жди худа; Жить надейся, а умирать готовься*.

Традиционное представление о надежде развивается, приобретает новые краски в образных сопоставлениях, отмеченных в произведениях русской поэзии на протяжении ее истории.

Анализ поэтического материала, представленного, в частности, в «Словаре поэтических образов»⁴ и «Словаре русской поэзии»⁵, показывает, что для художников слова особо значимым является представление о надежде как о свете. ММ *надежда – свет* выделяется как в количественном отношении, так и по степени разветвленности, конкретизируясь в ряде частных моделей с правыми элементами (объектами сопоставления) *свет, луч, блеск, светило, светильник*, которые в свою очередь представлены в разных видах.

ММ *надежда – свет* в текстах разных авторов репрезентирована главным образом генитивной метафорой *свет надежды*. В такие конструкции зачастую включаются эпитеты, передающие характер света: *бледный* (К. Бальмонт), *слабый* (М. Лермонтов), *теплый* (А. Голенищев-Кутузов), *радужный* (А. Фет) и др.

Из всех разновидностей света поэтами наиболее востребован *луч*. Свет, локализованный в пространстве, отражает представление о надежде как о чем-то небольшом по сравнению с темным пространством бытия, но способным нарушить структуру этого пространства, дать человеку утешение и силы. Пространство, в которое вторгается луч надежды, оказывается и земным, и водным, и небесным, а в конечном счете – пространством человеческой души, переживающей негативные состояния, например: *Всемогущий! Прими / Вдох раскаянья царева, / Искушения изми / И надежду среди гнева / Брось ему твоим лучом* (Г. Державин). *Лучом надежды в море бед / Мне стал тогда ваш безымянный, / Но вечно памятный привет* (М. Лермонтов); *Тогда у Вакха весь надежды луч погас, / И во отчаяньи, как в море, он погряз* (В. Майков); *Пусть нежный взор тоску души рассеет / И грудь мою надежды луч согреет!* (А. Крылов); *Амур в сей час над ней невидимо звивался, / Тая свою печаль во мраке черных туч, / И если проникал к нему надежды луч, / Надеждой Душеньку утешить он боялся* (И. Богданович).

На фоне мрака *надежда* выделяется яркостью, ее *луч* имеет признаки *ясный* (В. Озеров), *светлый* (К. Шаликов), *заревый* (К. Случевский) и др.

Луч надежды и пронзаемое им пространство находятся в оппозиции как живое и мертвое. Надежда – *луч живой, животворный* (у разных авторов). Состояние человека во многом определяется интенсивностью этого луча. По нашим наблюдениям, в русской поэзии нечасты указания на силу, «мощность» потока света надежды – для передачи высокой степени данного признака

⁴ Н.В. Павлович, *Словарь поэтических образов. В 2-х томах*, т. 1, Москва 1999.

⁵ Н.Н. Иванова, *Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века)*, Москва 2004.

существуют иные ММ. Распространены контексты, в которых *луч надежды* представлен как слабый, нередко – уходящий: *бледный и унылый* (Н. Гнедич), *последний, прощальный* (А. Полежаев), *усталый* (В. Брюсов).

Надежда в поэтической картине мира принадлежит к области верха, что отражено, например, в реализациях ММ *надежда* – *светило, солнечный и звездный свет*. Душу человека согревает и освещает *светило надежды* (В. Жуковский, М. Лермонтов) *солнце надежды* (С. Надсон, В. Тепляков), *заря надежды* (А. Мерзляков, Н. Минский). На протяжении всего существования русской поэзии авторы активно используют сопоставление надежды со звездой, испускающей неяркий, но манящий свет, способный к тому же служить ориентиром в темном пространстве, например: *Так манит нас звезда надежды, то светлея, / То спрятавшись от нас, то улыбаясь вновь* (П. Вяземский); *Еще я не люблю – но, как восток зарею, / Уже душа моя печалью занялась, / И пред-рассветною стыдливою звездою / Надежда робко в ней зажглась* (Н. Минский). Принадлежность *надежды* к верхней части мира фиксируется и в сопоставлениях ее с молнией, радугой, например: *Надежда с горних мест, как молния из туч, / Царю влилась в грудь и пролила луч* (М. Херасков); *Так тихо веяли они (звуки. – Е. К.) / Огнем любви в душе невежды / И светлой радугой надежды / Мои расписывали дни* (Д. Веневитинов).

Реализации ММ *надежда* – *светильник* несут информацию не только о свечении, но и об его интенсивности (*надежда* – *лампа, факел, маяк* и т.п. у разных авторов). О принадлежности *надежды* к божественному, высшему свидетельствуют сопоставления ее с источниками света, используемыми при богослужении, например: *И вера пролила спасительный елей / В лампаду чистую надежды* (К. Батюшков); *И, всех благих надежд светильник, / Зажгись на новом алтаре!* (П. Вяземский); *Неугасимую лампадой / Надежда теплится в груди* (И. Северянин).

В «Словаре поэтических образов» модели с правым элементом *существо* помещены в начало каждого раздела, поскольку «отождествление с живым существом является самым частым в русском поэтическом языке и имеет место почти для всех понятий»⁶. ММ *надежда* – *существо* по частотности и раз-вернутости, по-видимому, сопоставима с рассмотренной выше ММ *надежда* – *свет*. В объектную часть модели традиционно входят обозначения птиц, людей и божеств. *Надежда* уподобляется крылатому существу, которому свойственно свободное перемещение в верхней области мира: *Надежды и мечты золотые, / Как птички, быстро улетят* (Н. Карамзин); *Печаль с надеждой руки сплетают / И лебедями медленно летают* (М. Кузмин); *И, крыльями новой надежды подъята, / Затрепетала душа короля* (Д. Андреев); *Надежда проходит с ним жизни путь, / Крылами ребенка лелеет* (А. Григорьев) и др.

В реализациях ММ *надежда* – *человек* раскрывается характер воздействия *надежды* на человека, которому она может быть верным другом, заботливым спутником: *Надежда с добрыми людьми вечною ходит, / Товарищ искренний, от места к месту водит* (Н. Поповский); *Надежда с чашею отрады / Нам добрый спутник – верь* (В. Жуковский); *Надежда, смертных утешитель! / Ты будь моих подпорой сил* (В. Капнист). Вместе с тем надежда, будучи

⁶ Н.В. Павлович, указ соч., т. 1.

обещательницей благ (Г. Державин), обаятелем, закрывающим людям глаза (Е. Костров), способна ввести человека в заблуждение, предать и покинуть его, например: *Но опыт иное мне в жизни явил: / Надежда – лукавый предатель* (В. Жуковский); *Сон, покой, / Здоровье, мотылек молодой, / Хранитель жизни, жизни сладость – / Надежда...* / *Все скрылись легкою толпой* (А. Пушкин).

Божественная природа надежды обнаруживается в сопоставлениях ее с представителями духовного мира. Реализации данной модели, характерные для старой русской поэзии, рисуют надежду в возвышенных тонах; она, например, *бог грядущих дней* (М. Лермонтов), *благотворный дух* (Е. Костров), *воздушная дева* (А. Одоевский).

Надежда как существо имеет определенный круг родственных связей, представляя порождением небес, а также «родственницей» состояний, чувств человека, например: *Прекрасна, – мила дочь небесна... Надежда!* (С. Бобров); *Надеждой, самолюбья дочерью, / Весь возбуждается сей свет* (Г. Державин); *Несчастью верная сестра, надежда в мрачном подземелье / Разбудит бодрость и веселье* (А. Пушкин).

Надежда способна обращаться к человеку, проявлять свое отношение к нему вербальными и невербальными средствами (к последним относятся, например, улыбка надежды, объятья надежды, упоминаемые разными авторами). Инициатива контакта принадлежит надежде; человек же выступает как слушатель, который волен как принять, так и проигнорировать предложенное, например: *Блажен, кому надежды глас / В самом несчастье сердцу внятн* (К. Батюшков); *Глас надежды – сердца сладость* (Г. Державин); *И свет сей по одним лишь обещаньям знаешь / Надежды молодой* (В. Жуковский); *Надежда им / Лжет детским лепетом своим* (А. Пушкин); *Презрев и голос укуризы, / И зовы сладостных надежд, / Иду в чужбине прах отчизны / С дорожных отряхнуть одежд* (А. Пушкин).

Надежда имеет соответствия в воздушном, водном и земном пространствах. «Воздушность» надежд фиксируется, например, в таких сопоставлениях, как *надежды – небеса безоблачного дня* (И. Бунин), *дуновенье* (Б. Пастернак), *дым* (З. Гиппиус), *дымящийся фимиам* (А. Фет). У разных авторов в качестве соответствия надеждам отмечены обозначения земной тверди, а также текущей или стоячей воды. Пространственные метафоры надежды иногда вписаны в общую картину жизни человеческой души; надежде отводится роль суши или воды, например: *В берег надежды и в берег желания / Плещет жемчужной волной / Мыслей без речи и чувств без названия / Радостно-мощный прибой* (В. Соловьев); *И дико мечется бурун / Живых надежд и ожиданий / В ущелья темных берегов / Несовершившихся желаний / И неисполнившихся снов...* (К. Случевский).

ММ надежда – растение реализуется главным образом в сопоставлениях с цветом (А. Пушкин, Г. Державин, Ф. Сологуб, Э. Губер и др.). Генитивная метафора *цвет надежды* нередко включает эпитет, характеризующий надежду: *ранний, верный, прелестнейший, весенний* и др. Метафорическим соответствием надежды могут быть и конкретные цветы (например, *роза* у И. Одоевцевой или *тубероза* у К. Павловой), и отдельные части растения: *ветвь надежды* (Г. Державин, В. Щастный), *семена надежды* (Д. Веневитинов, И. Клюшников).

В русской языковой картине мира надежда традиционно концептуализируется как *вместилище*. Данное представление отражено в нескольких ММ с правыми элементами *сосуд, судно, строение*: например, *сосуд надежды* (М. Лермонтов), *чаща надежд и упований* (Н. Некрасов) *корабль надежды* (у разных авторов), *храм надежд* (В. Брюсов), *чертог надежд* (К. Случевский). Словосочетание *пустая надежда*, также реализующее ММ надежда – сосуд, отражает представление о напрасных, бесполезных надеждах – как, например, в пушкинском «Борисе Годунове»: *...Но знаешь сам: бессмысленная чернь / Изменчива, мятежна, суеверна, / Легко пустой надежде предана*. Е.А. Мошина указывает на наличие у надежды признаков дома – места, «где можно остаться, беспечно провести время, отдохнуть и набраться сил»⁷. Отношение надежды к дому отражено, например, в метафорах *дверь надежды* (В. Тредьяковский); *ключи надежды* (М. Волошин).

Ряд ММ отражает представления о вещественности надежды, о близости ее к земному, человеческому миру. Помимо упомянутых выше светильников и разного рода вместилищ, метафорическими соответствиями надежды являются разнообразные орудия, доспехи, ткань и изделия из нее, предметы домашнего обихода, например: *И острие невозможной надежды / Вдруг прикоснулось к душе короля* (Д. Андреев); *Но ты одет в броню нетленну, / В надежду, веру несомненну* (Г. Державин); *Надежды воин шлем надел* (В. Петров); *Скрываю горестные вежды / Под вуалеттой огневой, / Но золотой вуаль надежды / Весь в мушках грусти роковой* (В. Шершеневич); *Темной жизни не жалею, / Ткани прозрачные рву, / Ткани юных упований / И туманных детских снов* (Ф. Сологуб); *Надежд моих радужный гребень, / Седину облаков расчеши* (А. Кусиков).

Отметим, что метафоры надежды зачастую фиксируют хрупкость, непрочность надежды. Сюда относятся сопоставления надежды с потерявшими целостность, непригодными для дальнейшего применения предметами, например: *О, неужели он, он – этот скарб и хлам / Надежд, по счастью для людей, отживших* (К. Случевский); *В душе моей, как в океане, / Надежд разбитых груз лежит* (М. Лермонтов); *Разливает секунды, гирляндирует горечи / Откупоривает отчаяние, суматошит окурки надежд* (В. Шершеневич) – о тоске; *Сердце все еще глупо цепляется / За обломки разбитых надежд* (Д. Михаловский).

Причины крушения надежд могут быть представлены внешними, не зависящими от человека. Это, например, волны, в которых тонет челнок надежды (И. Козлов), время, лишшающее красок надежд роскошный цвет (Э. Губер) и рассеивающее *чад и дым надежд* (А. Грибоедов). Виновником разрушения надежды может быть и сам человек – например, потопивший *тяжелую тоскою корабль надежды* (А. Блок) или разорвавший ткани юных упований (Ф. Сологуб).

Надежда может осмысляться и в категориях невещественного, что особенно характерно для старой русской поэзии. В стихах поэтов XIX века обнаруживается представление о надежде как некоем видении: *сон надежды*

⁷ Е.А. Мошина, *Особенности концептуализации НАДЕЖДЫ и НОРЕ признаками внутреннего пространства*, Кемерово 2006, с. 885–892.

(А. Пушкин, Н. Языков), *сны надежд* (А. Пушкин, И. Майков), *грезы упования* (К. Фофанов), *призрак надежды* (Н. Некрасов) и др.

Таким образом, реализации ММ позволяют выделить некоторые признаки *надежды*, среди которых постоянными являются значимость, притягательность для человека, высокая эстетическая ценность (последнее реализовано в уподоблении ее свету, цветам, дорогой красивой ткани и т.п.).

Для русской поэзии традиционно рассмотрение *надежды* в триаде – в совокупности с *верой* и *любовью*. Например, Г. Державин, неоднократно обращающийся к данным образам, использует эту триаду для характеристики Александра Суворова: *Но ты одет в броню нетленну, / В надежду, веру несомненну, / Любовью выспренней горишь* (ср. образ героини оды Е. Кострова Екатерины II, которая обращается к подданным, *веры ограждая щитом и надежды осеняясь крестом*); В. Тепляков – для характеристики разочарованной души: *Доверенность к жизни, надежда, любовь, / Любовь всей природы – в груди моей вновь / Не вспыхнет ваш огонь благодатный!* Для героя Б. Окужавы Вера, Надежда и Любовь оказываются сестрами милосердия, открывающими умирающему *последний кредит*. Взаимоотношения внутри триады могут складываться по-разному. Так, *вера* льет елей в *лампаду надежды* (К. Батюшков), приходит утешить героя с *ветвью надежды* в руке (Г. Державин). *Любовь* предстает целью, на пути к которой человеку необходима *надежда*: *Буду риз ее держаться / До обаятия любви; Так надежды пресекает / Лишь одна любовь полет* (Г. Державин).

Некоторые из признаков *надежды* являются амбивалентными. Прежде всего упомаяем о двойственном отношении *надежды* к человеку. Уподобленная свету, человеку, божеству, крылатому существу, достижениям, радуге, *надежда* вдохновляет человека, освещая его путь, ободряя и поддерживая его, дает возможность подниматься ввысь, украшает, расцвечивает дни его жизни. Вместе с тем она сама нередко оказывается *ненадежной* – способной покинуть человека (отлет надежды – птицы, угасание надежды – света, растворение в пространстве надежды – дыма, смолкание надежды – колокольного звона, измена надежды – существа). Для человека она может служить источником не только положительных эмоций – как, например, для героя А. Фета: *Разбей этот кубок: в нем капля надежды таится. / Она-то продолит и она-то усилит страданье*.

Примечательно, что и отношение человека к надежде также неоднозначно: оно варьирует в широких пределах – от восторга до полного неприятия. Так, для старой русской поэзии типичны прямые восхваления надежды типа *Надежда правая и естество не лгут, / По мере добрых дел и счастье дают. / Они наш истинный судья и благодетель* (Н. Поповский). В текстах разных поэтов обнаруживается порицание надежды (прежде всего за ее обманчивость, коварство). Герой пытается избавиться от надежды разными способами – погасить например, *огни надежд*, разорвать ее *ткань*, разбить сосуд с *надеждой – влагой*. В русской поэзии XX–XXI веков образ надежды претерпевает, по нашим наблюдениям, существенные изменения (что может служить темой отдельного исследования), касающиеся в том числе и характера надежды, и проявления отношения к ней человека. В качестве примеров можно привести

сонм сомнительных надежд М. Цветаевой (здесь весьма показательна паронимическая аттракция), повторяющийся образ *злой надежды* А. Городницкого, *яростной надежды* (у него же), *грозного луча* надежды, изгоняемого героиней Ю. Мориц. Для героя А. Вознесенского *надежда* оказывается объектом преследования: *Чудовище по имени Надежда, / Я гнался за тобой, как следопыт. / Все пули уходили, не задевши.*

Физические характеристики надежды отличаются обширным диапазоном (от нематериальных *снов* и *грез* до вполне материальных объектов, размеры которых также варьируют в широких пределах). Прочность надежды (как земной тверди, строения, корабля и т.д.) может оказаться обманчивой, цельность – легко разрушаемой. Утрачивая данные свойства, надежда превращается в осколки, обломки, лоскуты.

Локализованная в пространстве человеческой души, *надежда* рождается, живет и умирает (поэтому возможно и *кладбище надежд* – К. Случевский) в этом пространстве. Однако она может прийти и из внешнего по отношению к душе мира – лучом света, исходящего от божества или светил, молнией, оружием и т.д. В этот же внешний мир она может и удалиться. Расставание надежды с человеком также осуществляется двумя способами: смерть (в том числе посредством разрушения) и уход (чаще всего это перемещение в воздушном пространстве). Возможно и воскрешение надежды, представленное, например, в образе встающего из руин строения: *В жизни, идущей на смену векам, мы строители / Вечного храма надежд, восстающего вновь!* (В. Брюсов); однако значительно чаще в поэтических текстах отражается пессимистический вариант развития событий.

Русская поэзия, таким образом, развивает и обогащает представления о надежде, отраженные – с древних времен – в языке народа. Сформулированные зачастую в форме совета (для подобных высказываний типична форма повелительного наклонения), русские устойчивые выражения указывают на необходимость и значимость надежды – и в то же время на ее возможную непрочность; по этой причине человек должен не только надеяться, например, на высшие силы, но и прикладывать для достижения цели собственные усилия.

Образ надежды, складывающийся из реализаций ММ с различными объектами сопоставления (человек и божество, свет и вода, предмет и нечто невещественное и т. д.), обладает тем не менее известной целостностью. Применительно к надежде возможно сочетание и даже слияние оппозиционных в быденном сознании образов – как, например, у Е. Шварца: *Но льется и ему навстречу / Дождь свечек – пламенный, попятный, / Молитв, надежды – дождь отземный / С часовен рук – детей, старух;* ср. совмещение характеристик воды и неба в характеристике надежды у Н. Языкова: *Светлее зеркальных зыбей, / Звезды прелестьнее расцветной, / Пышнее ленты огнецветной / Повязки сладостных дождей, / Твои надежды.*

В заключение отметим, что *надежда* обладает значимостью, ценностью независимо от масштабов объекта сопоставления. Например, искра надежды может быть для человека не менее (а иногда и более) значимой, чем маяк; *ветхий лоскут надежды* все же остается покровом для бедняка (Бенедиктов);

обрывки надежды в стихотворении И. Анненского не теряют свойств, позволяющих считать ее украшением птицы – времени: *И на крыльях у ней твоя сила, / Радости сон мимолетный, надежд золотые лохмотья.*

Литература

Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах*, т. 2, Москва 2006.

Иванова Н.Н., *Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII– начала XX века)*, Москва 2004.

Мошина Е.А., *Особенности концептуализации НАДЕЖДЫ и HOPE признаками внутреннего пространства*, Кемерово 2006, с. 885–892.

Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, Москва 2010.

Павлович Н.В., *Словарь поэтических образов. В 2-х томах*, т. 1, Москва 1999.

Пименова М.В., *Душа и дух: особенности концептуализации*, Кемерово 2004.

Метафоры надежды в русской поэзии

Резюме

В статье рассматриваются метафоры, характеризующие феномен надежды, на материале русских поэтических текстов. Концепт „надежда” занимает особое место среди концептов духовной сферы человека. Образ надежды складывается из реализации метафорических моделей с различными объектами сопоставления.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, языковая картина мира, концепт, поэтический текст, надежда

Hope metaphors in Russian poetry

Abstract

The article deals with metaphors describing the phenomenon of hope, based on Russian poetic texts. The concept of "hope" has a special place among the concepts of the spiritual sphere of man. The image is made up of the implementation of hope metaphoric models with different objects of comparison.

Key words: metaphor, metaphoric model, language word – mapping, concept, poetical text, hope

Елена Купчик

Тюменский государственный университет

доктор филологических наук

e-mail: elwika@list.ru

+7 3452 46 20 87